

Святочные обычаи простого русского народа.

Русский народ очень любит рождественские вечера или, так называемые, святки: въ это время веселость и игривость его характера достигаетъ высшей степени, въ особенности когда народъ принимаетъ участие въ святочныхъ обычаяхъ и играхъ, — каковы: пѣніе коляды или колядованье, переряживанья и гаданья.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ обычаяхъ, знакомство съ которыми, интересно для каждаго, а для пастырей церкви въ особенности. Какъ блюстители чистоты вѣры и нравственности христіанской, пастыри должны быть знакомы какъ съ свѣтлыми, такъ и съ темными сторонами жизни своихъ пасомыхъ, чтобы устроить эту жизнь въ духѣ православной вѣры согласно заповѣдямъ Божиимъ.

Коляда.

Лучшимъ и вѣроятнымъ объясненіемъ слова — коляда можетъ служить латинское слово «calendae», которымъ западные народы называли свои святки. Со-

временемъ слово «calendae» измѣнилось и перешло въ коляду, что отчасти подтверждается и коричей книгой, гдѣ говорится: коланди суть первые въ коемждо мѣсяци днѣ, въ нихъ-же обычай бѣ елиномъ творити жертвы, и въ таже евруманія елиньстѣмъ бѣаху праздници... възбранють ¹⁾ таковая глорити... и не повелѣвають мужемъ облачатися въ женскія разы, ни жевамъ въ мужскія ²⁾».

Обычай пѣть коляду очень древній въ Россіи и заключается въ слѣдующемъ: молодые парни и дѣвушки ходятъ по дворамъ и просятъ у хозяевъ позволенія сѣсть имъ «таусень». Получивъ разрѣшеніе, поютъ его или въ честь праздника, или въ честь хозяина съ доброю хояюшкою. За свой трудъ колядники получаютъ въ вознагражденіе что—либо изъ съѣтнаго, а иногда и деньги. Смотря по времени, когда коляда поется, она носитъ и разныя названія, — такъ есть коляда рождественская, если поется въ дни между праздникомъ Рождества Христова и новымъ годомъ; есть васильевская, если она поется наканунѣ новаго года или дня Василія Великаго, какъ говорится въ народѣ; и есть коляда крещенская, если она поется въ дни между новымъ годомъ и праздникомъ крещенія Господня.

Обычай пѣть коляду въ рождественскіе святые вечера наши отцы и дѣды заимствовали отъ предковъ—язычниковъ, у которыхъ онъ имѣлъ религиозное значеніе, потому что совершался въ честь зимняго солнцезаворота. Наканунѣ нашихъ праздниковъ Рождества и Крещенія Господня «мужчины и женщины (язычники) сходились на nocturne плещеваніе, игры, глумленіе и бѣсовскія пѣсни, съ воємъ и крикомъ кликали мертвыхъ, плясали, пѣли». Съ принятіемъ нашими предками христіанской вѣры на Руси, вѣсело съ другими удержавшимися языческими обычаями, удержался и перешелъ къ намъ и этотъ языческій обычай «коляды». Хотя пастыри церкви и старались искоренять у новопросвѣщенныхъ христіанъ языческіе обычаи, какъ напр., Кириллъ Туровскій, запрещавшій наканунѣ праздниковъ «гусли, игры и пѣсни бѣсовскія»; но вѣдь легко уничтожить только тѣ обычаи, которые, такъ сказать, еще не успѣли всосаться въ жизнь народа, съ которыми народъ не успѣлъ сродниться; если-же тотъ или другой обычай уже успѣлъ врости въ жизнь простого народа, то его искоренить очень трудно и почти невозможно, — вотъ къ такимъ-то обычаямъ и должно отнести «коляду», по-

¹⁾ Правила соборныя.

²⁾ Истор. Буслова.

тому что «колида» заключаетъ въ себѣ очень много веселаго и игриваго, что и любо сердцу простого народа. Современная колида заключаетъ въ себѣ пѣсни, по большей части, христіанскаго содержанія—прославленіе рождественскихъ праздниковъ; поэтому, казалось-бы, что въ этихъ пѣсняхъ не должно быть ничего, противнаго христіанству; но къ сожалѣнію и въ современномъ колядованьи содержится много языческаго и неприличнаго христіанской религіи. Причина этому та, что народъ хотя и началъ пѣть пѣсни съ христіанскимъ содержаніемъ, но отчасти безсознательно, а болѣе до своей безграмотности, началъ мѣшать ихъ слова съ словами прежнихъ пѣсней языческихъ, такъ что инныя пѣсни служатъ не прославленіемъ праздника, а скорѣе униженіемъ его святости. Хорошимъ приѣромъ нашимъ колядникамъ служить Малороссія, гдѣ колядники не пѣсни поютъ, а тропарь или кондакъ праздника.

Но какъ смотрѣть пастырямъ церкви на современный обмычъ «колады», — стараться объ уничтоженіи его или о поддержаніи?

Пастырямъ церкви должно обратить вниманія на то, чтобы колядники не пѣли пѣсней съ языческимъ характеромъ, которыя противны духу христіанской религіи, и чтобы религіозныя пѣсни не были искажаемы до неприличія, а это часто бываетъ потому, что колядники, по своей безграмотности, учатся пѣть «коладу» по слуху отъ своихъ собратьевъ—неграмотныхъ же колядниковъ, вследствие чего и происходитъ искаженіе смысла пѣсни иногда до неузнаваемости его. Чтобы помочь этому горю, хорошо имѣть нѣкоторый надзоръ надъ колядниками, а именно: предъ началомъ рождественскихъ святокъ хорошо священнику призвать колядниковъ къ себѣ на домъ и съ терпѣніемъ прослушивать, правильно-ли они поютъ «коладу», причемъ поющихъ неправильно можно научить пѣнію правильному, что въ настоящее время, съ устройствомъ церковно-приходскихъ школъ повсюду и распространеніемъ грамотности вообще, сдѣлать возможно; должно внушать также колядникамъ, чтобы они вели себя во время пѣнія «колады» какъ можно прилично и благопристойно; по нашему мнѣнію, такой надзоръ надъ колядниками не останется безъ пользы. Приѣтъ такого надзора надъ колядниками мы находимъ «въ путевыхъ замѣтках¹⁾», гдѣ разсказъ вается, что одинъ старикъ—священникъ, перешедши на приходъ изъ другаго и замѣтивъ въ первый годъ безчиніе колядниковъ, позвалъ ихъ къ себѣ

¹⁾ Руков. д. е. вѣст. 1861 г.

и объявилъ имъ, что отправляясь на колядованье, они должны предварительно побывать у него также съ колядкою и вистью за благословеніемъ. «Такъ годится», говорилъ онъ имъ ласково и добродушно. Колядники послушались и въ слѣдующій годъ явились къ нему, а онъ—чтобы вы думали? заставилъ ихъ пропѣть предъ нимъ всѣ колядки, какія они имѣли пѣть ходя по селу,—при этомъ нетрезвыхъ укорилъ и пристыдилъ, искажающихъ слова пѣсней вразумилъ и научилъ, не знающихъ текста или напѣва пѣсней сказалъ не ходить, доколѣ не выучатся, всѣмъ-же объяснилъ со всею простотою содержаніе колядокъ и убѣждалъ всячески, при хожденіи по селу, соблюдать всевозможное благочиніе, а въ пѣніи—благоговѣніе. «Вы идете не колядовать», говорилъ онъ, «а Христа славить. Будьте же какъ ангелы, которые съ трепетомъ воспѣвали хвалу Предвѣчному Младенцу! Тогда и Богъ васъ благословитъ». Съ тѣхъ поръ каждый годъ колядники являлись къ нему въ навечеріе 2-го дня праздника Рождества Христова, а онъ терпѣливо и съ любовью выслушивалъ всѣ ихъ пѣсни, наставлялъ и научалъ по прежнему и, благословивъ, отпускалъ въ путь-дорогу. И вѣрьте,—никогда ни малѣйшаго безчинія не происходило, а что выручали отъ колядованья, то приносили въ церковь на хоругви, кресты и т. под. Танимъ образомъ и обычай сохранился и получилъ новую силу и лучшій смыслъ, и злоупотребленія исчезли».

Указанный способъ старика-священника относительно облагороженія коляды достоинъ подражанія и современнымъ пастырямъ не лишне изслѣдовать его на практикѣ.

Переряживанье.

Обычай переряживанья очень древній и у нашихъ предковъ былъ во всеобщемъ употребленіи, что, въ свою очередь, объясняется слѣдующимъ: извѣстно, что язычники опредѣляли свою судьбу по первому дню новаго года и твердо вѣрили, что если кто проведетъ первый день новаго года весело, для того и весь годъ будетъ веселымъ, а кто проведетъ этотъ день въ печальномъ состояніи духа, для того и весь годъ будетъ несчастенъ. Вслѣдствіе такихъ взглядовъ на начало новаго года, само собою понятно, что каждому хотѣлось встрѣтить его какъ можно веселѣе и радостнѣе,—отсюда явилось чрезвѣрное возмѣненіе Бахусу, игры, пляски, къ которымъ присоединился и обычай переряживанья, какъ болѣе забавный и веселый.

Но крайней мѣрѣ, такъ смотритъ на происхожденіе этого обычая св. Іоаннъ Златоустъ, который въ своемъ словѣ на новый годъ говоритъ: «вызвички вычислили и ввели у себя обычай переряживанья для того, чтобы, въ надеждѣ остаться не узанными, дать себѣ большую свободу и возможность — предаваться необузданному распутству и веселію, обѣщавшему, по ихъ мнѣнію, счастье и веселіе на весь будущій годъ». А другой проповѣдникъ, тоже въ словѣ на новый годъ, указываетъ и самый способъ переряживанья: «женщины, говоритъ онъ, наряжались мужчинами, мужчины — женщинами. Иные превращали себя въ чудовищъ, или одѣвались въ шкуры животныхъ, приделывали себѣ головы вѣблей и очень были довольны, если имъ удавалось преобразиться такъ искусно, что они переставали уже походить на людей. Нѣкоторые радились даже демонами, а иные въ образѣ своихъ боговъ старались олицетворять въ своихъ дѣйствіяхъ все, что сохранило преданіе о порокахъ и страстяхъ тѣхъ боговъ. Наряженная толпа бѣгала по улицамъ, шумѣла и кричала: шутка слѣдовала за шуткой, обида за обидой, дерзость за дерзостію». (Слово Амаросія).

Русскіе этотъ обычай переряживанья приняли отъ грековъ и римлянъ; на это указываютъ, между прочимъ, и самыя названія переряживающихся, которыя встрѣчаются въ нашихъ лѣтописяхъ и гдѣ любящіе замаскироваться называются греческими именами. На Руси этотъ обычай появился ранѣе 12-го вѣка, потому что Лука Жидата, жившій въ 12-мъ вѣкѣ, уже сильно отличалъ «насколудство» въ своемъ постырскомъ посланіи, — распространенъ же онъ былъ не только между простымъ народомъ, но даже и среди людей высшаго круга, потому что обычай переряживанья любилъ и наши цари — Іоаннъ Грозный, Алексѣй Михайловичъ и особенно Петръ Алексѣевичъ Великій. Въ то время переряживающіеся слыли подъ именемъ окрुтиновъ, скомороховъ, личниковъ и др.; названія эти въ Россіи существуютъ и до настоящаго времени и только въ Малороссіи переряживающіеся называются не означенными именами, а «машкарани».

Въ Малороссіи и Бѣлороссіи любятъ переряживаться, по большей части, подростки — дѣти, принимая на себя образъ разныхъ животныхъ и пугая народъ. Нашъ простой народъ тоже очень любитъ переряживаться, но при этомъ выбираетъ самыя незатѣйливыя костюмы: козы, собаки, медвѣдя, а иногда надѣваетъ на себя какую нибудь страшную маску съ большущимъ преоблающимъ носомъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ рижные вѣздятъ по го-

роду на лошадахъ и лодкахъ, раскрашенныхъ различными образомъ, сопровождаемые массою скomoroxовъ, веселвшихъ публицу.

Обычай переряживанья не одобрялся древними пастырями и учителями церкви, которые сильно обличали его въ своихъ проповѣдахъ, потому что видѣли въ немъ вредъ христіанской религіи и нравственности народной. Такъ, напр., Лука Жидята любящихъ переряживаться называетъ «воителями сатаны и сынами погибельными»; а Петръ Хрисологъ такъ обличаетъ масколюдниковъ: «кто въ состояніи будетъ оплакать тѣхъ, которые сами себя дѣлаютъ идолами? Таковые не теряютъ-ли образъ Божій, не теряютъ-ли Его подобіе, не снимаютъ-ли съ себя одѣянія, принимая на себя святотатственные формы идоловъ? Это не шутки, а преступленіе. Кто играетъ нечестіемъ? кто шутитъ святотатственно? Кто грѣхъ называетъ свѣхомъ? Довольно ошибается тотъ, кто такъ мыслитъ. Тотъ врагъ Богу, кто дѣлаетъ себя Богомъ. Тотъ не хочетъ носить на себѣ образъ Божій, кто хочетъ носить образъ идоловъ; кто хочетъ ликовать съ діаволомъ, тотъ не можетъ радоваться со Христомъ. Если есть у насъ благочестіе, если есть любовь къ человечеству, если есть желаніе спасенія ближнему, удержиши сихъ, такъ стремящихся къ своей погибели, — тѣхъ, кто уподобляетъ себя звѣрямъ, кто только дѣлаетъ себя похожимъ на животныхъ и превращаетъ себя въ демоновъ».

Руководствуясь такими разсужденіями и взглядами нашихъ вселенскихъ отцовъ и учителей церкви и здравымъ смысломъ, современнымъ пастырямъ должно обратить на этотъ нехорошій обычай переряживанья свое особенное вниманіе съ тѣмъ, чтобы вывести его совершенно изъ народнаго употребленія. Въ настоящее время сдѣлать это тѣмъ болѣе возможно, потому что народъ не соединяетъ съ нимъ никакого религіознаго значенія, а смотритъ на него не болѣе, какъ на простое развлеченіе или потѣху; поэтому стоитъ только посновательнѣе внушить своимъ пасомымъ, что нехорошо, грѣшно и противно слову Божію свое лицо, этотъ образъ Божій, превращать въ образъ равныхъ животныхъ, — что отъ этого переряживанья, вслѣдствіе испуга, можетъ произойти смерть и т. под.; само собою понятно, что подобныя внушенія, съ настойчивостью оставить этотъ вредный обычай, должны быть повторяемы не разъ, не два, а нѣсколько разъ, и тогда народъ, внявъ убѣдительнымъ словамъ своего уважаемаго священника, имѣющаго на нихъ нравственное вліяніе, мало по малу оставитъ и совсѣмъ этотъ нехорошій,

противный христіанской вѣрѣ и нравственности народной, обычай перереживанья.

Гаданіе.

Слово «гаданіе» ииенческаго характера; филологъ Снѣгиревъ производитъ его отъ слова «Гада» — богиня счастья и судьбы.

Наши святочные гаданія, наравнѣ съ обычаями «коляды и перереживанья», перешли къ намъ тоже отъ язычниковъ. Христіане на первыхъ порахъ принятія христіанства, какъ еще не успѣвшіе вполне отрѣшиться отъ всѣхъ языческихъ воззрѣній и обычаевъ, удержали у себя и этотъ обычай, который потомъ передали своимъ потомкамъ, а эти своимъ и т. д., — такимъ образомъ гаданье дошло и до нашего времени.

Въ этомъ убѣждаютъ насъ какъ пастыренія обличенія этого обычая въ то время, такъ еще и то, что всѣ почти нынѣшнія гаданія сходны съ гаданіями, которыя совершались въ Греціи и Римѣ еще до принятія нашими предками христіанства.

Греки и Римляне гадали при помощи зеркала; и въ наше время гадальщицы, прибѣгая къ этому способу гаданія, впереди и позади себя ставятъ по зеркалу, а по бокамъ послѣднихъ по двѣ свѣчи; вслѣдствіе такого расположенія зеркалъ, глазами, внимательно смотрящимъ въ нихъ, представляется что-то въ родѣ безконечнаго корридора, откуда и выходитъ суженый, если только гадальщицѣ на роду написано выдти въ новомъ году замужъ. Если-же суженый долго не появляется, то его, обыкновенно, вызываютъ словами «суженый, ряженый, приди ко мнѣ поужинать».

Въ древнее время язычники гадали посредствомъ воска, который топили надъ водой, и какую форму въ водѣ принималъ онъ, по ней и судили о будущемъ, — такое гаданье называлось у нихъ «керомантиею». И въ наше время гадальщицы топятъ воскъ въ ложкѣ и выливаютъ въ блюдо съ холодной водой; потомъ застывшій воскъ вынимаютъ, подносятъ къ стѣнѣ и по тѣни, образовавшейся отъ восковой фигуры, заключаютъ объ ея содержаніи.

Всѣ эти указанныя современные гаданія нашего народа ясно даютъ знать, что онѣ находятся въ самой тѣсной связи съ языческими январскими календарями и суть остатки язычества. Но какъ смотрѣть на современные гаданія христіанъ?

Вотъ что о нихъ говоритъ св. Василій Великій: «многимъ изъ христіанъ

кажется безвреднымъ собирать примѣты и вѣрить гаданіямъ. Что бѣдственнѣе и богопротивнѣе такой мысли? Развѣ не знаемъ, что еще древле, по закону Моисееву, чарованія, волхвованія, ворожба, птицегаданія отринуты, какъ изобрѣтенія демоновъ? Скавано: не вражите, и ни сраца смотрите отъ птицъ ¹⁾; языцы бо, которыхъ Господь Богъ потребить отъ лица твоего, сіи чарованій и волхвованій послушаютъ, тебѣ-же не тако даде Господь Богъ твой». (ч. 2-я, стр. 106).

Въ нашемъ отечествѣ гаданія тоже были осуждаемы св. отцами и учителями церкви,—такъ напр., Кириллъ Туровскій называетъ гаданія «мерзостію и пагубою, измышленныхъ бѣсомъ на пагубу людскую»; законъ гражданскій тоже ихъ преслѣдовалъ, что можно видѣть изъ грамоты, данной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Шуйскому воеводѣ Зиѣву въ 1649 году, въ которой запрещалось ворожить и гадать на оловѣ и воскѣ. Наравнѣ съ закономъ гражданскимъ и судъ церковный строго преслѣдовалъ гада-телей и повелѣвалъ таковыхъ отлучать отъ св. причастія кого на пять, кого на шесть, а иныхъ и на двадцать лѣтъ: «восколей и оловолей 20 лѣтъ да не причастится», говорится въ номоканонѣ. Если-же вредъ гаданья сознавался уже давно и оно было запрещаемо болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, когда просвѣщеніе было на низкой степени развитія, то тѣмъ болѣе, значитъ, оно должно быть запрещаемо въ наше время,—время просвѣщенія и наукъ,—и пастырямъ церкви должно обратить на этотъ зловерный обычай свое особенное вниманіе, потому что онъ подрываетъ нашу христіанскую религію въ самую ея корнѣ, давая болѣе мѣста суевѣрію языческому, нежели истинной вѣрѣ въ Бога. Но должно сказать при этомъ, что пастыри церкви, поставляя главною своею задачею внѣдрить въ сердца своихъ пасомыхъ истинную вѣру въ Бога и выводить изъ употребленія всевозможные не христіанскіе обычаи, должны искоренять ихъ не отрогидами мѣрами, а словомъ убѣжденія въ зловерности обычая. Гораздо лучше, по нашему мнѣнію, просто и ясно разъяснить своимъ пасомымъ самое происхожденіе этого языческаго обычая—гаданья и выяснить подробнѣе его вредныя послѣдствія по отношенію къ христіанской религіи, къ нашей душѣ и тѣлу,—привести примѣры тому, что часто послѣ гаданій бывали смертные случаи или гадавшіе дѣлались больными и такъ оставались до конца своей жизни.

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ привести слова преосвященнаго

¹⁾ Лев. XIX, 26.

Евсевіа, бывшаго епископа Владимірскаго и Суздальскаго, по поводу святочных языческаго характера увеселеній на Руси, въ которыхъ онъ осуждаетъ языческое празднованіе святокъ и указываетъ какъ должно христіанамъ проводить сіи святые вечера: «насъ увлекаетъ просвѣщенная Европа... Да, тамъ впервые возстановлены изгнанныя было изъ міра мерзости языческія, оттуда уже перешли онѣ и переходать и къ намъ. Вдохнувъ въ себя этотъ адскій угаръ, мы кружимся, какъ помѣшанные, сами себя не помня. Но припомнимъ двѣнадцатый годъ: зачѣмъ это приходили къ намъ французы? Богъ послалъ ихъ истребить то зло, которое мы у нихъ переняли. Показалась тогда Россія, и Богъ помиловалъ ее. А теперь, кажется, началъ уже забываться тотъ урокъ. Если опомнимся, конечно, ничего не будетъ; а если не опомнимся, кто вѣсть, можетъ быть опять пошлетъ на насъ Господь такихъ-же учителей нашихъ, чтобы привели насъ въ чувство и поставили на путь исправленія. Таковъ законъ правды Божіей: тѣмъ врачевать отъ грѣха, чѣмъ кто увлекается къ нему. Это не пустые слова, но дѣло, утверждаемое голосомъ Церкви. Вѣдайте, православные, что Богъ поругаемъ не бываетъ; и, вѣдая сіе, веселитесь и радуйтесь въ эти дни со страхомъ. Освятите свѣтлый праздникъ святыми дѣлами, занятіями и увеселеніями, что бы всѣ, смотря на васъ, сказали: у нихъ святки, а не буйныя канія нибудь игрища нечестивцевъ и развратниковъ, не знающихъ Бога». (Мысли на каждый день года по церк. чтен. изъ слова Божія).

Военный священникъ Василій Ягодинъ.